

ISSN 0869-5873

Homep 2

Февраль 2025

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА

— 1727 —

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

ИДЕНТИЧНОСТЬ – РЕСУРС ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

К ВЫХОДУ В СВЕТ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ “ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА”

© 2025 г. В.А. Тишков^{a,*}

^aИнститут этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

*E-mail: valerytishkov@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025 г.

После доработки 20.01.2025 г.

Принята к публикации 22.01.2025 г.

Статья представляет собой аналитический обзор фундаментального труда о феномене идентичности, подготовленного в ИМЭМО РАН под руководством члена-корреспондента РАН И.С. Семененко. Междисциплинарное исследование в двух книгах посвящено процессуальным аспектам и динамике форм идентификации личности и общества в отношении прежде всего страновой, этнической и религиозной принадлежности, а также условиям формирования общероссийского национального самосознания с точки зрения гражданской и цивилизационной идентификации. В труде обоснован цивилизационный подход к российской и другим крупнейшим нациям мира, континентальным и религиозным сообществам; содержится обзор таких форм коллективной идентичности, как профессиональная, расовая, диаспоральная и иные. Отмечена определяющая роль культурно-идентификационных факторов в мировой политике и в политике нациестроительства, в обеспечении суверенитета и солидарности государственных сообществ. Книги содержат библиографический словарь ведущих учёных и полную библиографию научной литературы в данной области. Издание носит энциклопедический характер и утверждает новое научное направление в социогуманитарных науках – идентитарные исследования.

Ключевые слова: идентичность, цивилизация, мироустройство, национальное государство, гражданская нация, Россия, Индия, Китай, нациестроительство, этничность, религия, культурная сложность, национализм, солидарность, этнополитический конфликт, “культура отмены”.

DOI: 10.31857/S0869587325020106, **EDN:** AGKDGN

Начну с того, что высоко оцениваю работу коллектива учёных Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук под руководством члена-корреспонден-

та РАН И.С. Семененко. Речь идёт об энциклопедическом издании по теме идентичности [1, 2] – одной из новых и крайне востребованных тем в области современных гуманитарных наук. Прежде чем высказаться о содержании труда и о значимости сформулированных в нём выводов, отмечу некоторые моменты, которые позволяют назвать эти два книжных издания своего рода примером того, как должны осуществляться крупные научные проекты в социогуманитарной области.

ВАЖНОСТЬ ФОРМАТА И СТИЛЯ

Во-первых, нужно указать на смелость и широту замысла, цель которого – проанализировать не конкретную проблему, а шире – тему или целую научную область. В последние пару десятилетий тематика идентичности распространилась

ТИШКОВ Валерий Александрович – академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, директор Института антропологии и этнологии Российской государственной гуманитарной университета.

на разные социально-гуманитарные дисциплины, нередко напоминая обязательные реверансы по отношению к модной категории (некогда нечто похожее случилось с такими метакатегориями, как модерность и дискурс). Проект по изучению феномена идентичности, который, возможно, не является магистральным для политических наук и на который есть не меньше оснований претендовать социологам, психологам и антропологам, замыслили и успешно осуществили политологи-международники. Тем самым они доказали, что в крупных научных коллективах всегда есть тот уровень компетенций и кадров, которые позволяют решать не только предписанные уставом и заданиями научные проблемы, но и реализовывать по-настоящему инновационные и подлинно междисциплинарные работы. Это один из важных уроков данного проекта: большие коллективы институтов РАН располагают интеллектуальными ресурсами, способными генерировать нетривиальные идеи и обеспечивать необходимый уровень организации исследований.

Во-вторых, следует обратить внимание на междисциплинарность, о которой так много толкуют люди от науки и те, кто ею якобы руководят. Дело в том, что по ряду причин, в том числе в погоне за научометрическими показателями, в современную науку пришло много умелых получателей учёных степеней и повышения индекса Хирша. С их участием в последние годы утвердились, по крайней мере в социогуманитарных науках, некоторые формы учёта эффективности научного труда и оценки достижений учёного, которые стимулировали практику шаблонного написания всё большего числа статей, которые только называются научными. Многие из них за деньги публикуются и в высокорейтинговых журналах. Если отбросить обязательное формальное сопровождение нынешних журнальных публикаций (резюме на двух языках, бессмысленная транслитерация списка работ и прочая структурная обязаловка), то чистого научного текста довольно часто остаётся 3–4 страницы (нередко на 2–3 соавторов). В социогуманитарных науках это недопустимо, ибо в отличие от физики или математики у нас сам текст, то есть изложение истории вопроса и анализ, не могут быть заменены формулами и выводами. Для нас глубокое, грамотное и убедительное изложение темы или проблемы – обязательная часть презентации научной работы.

Рецензируемое издание – объёмом 992 страницы в первой и 512 страниц во второй книгах – объединило лаконичные, но полнокровные (стиль энциклопедических трудов) научные тексты, в которых излагаются разные аспекты темы с позиций разных дисциплин – философии, истории, социологии, этнологии, правоведения, экономической науки и, конечно, политологии, с привлечением коллег из многих институтов и вузов. Благодаря этому феномен идентичности рассмотрен предста-

вителями разных дисциплин, которые тем самым выстраивают научный диалог и обогащают знание. Это и есть в моём понимание *междисциплинарность*, противостоящая поверхностному подходу и внедисциплинарности. Это пример открытого научного труда, доступного всем желающим с ним познакомиться и использовать в своей работе. Однако ирония ситуации заключается в том, что в соответствии с министерскими показателями фундаментальный научный труд может не пойти в зачёт его создателям (ибо не проходит как монография), в отличие от опубликованных в хищнических журналах поделок. (Вот пример дурного нормирования и ущербного учёта результатов научной деятельности!)

Можно назвать несколько стилевых достоинств данного труда, которые должны цениться в академической науке. Это прежде всего продуманная структура, включая части и главы с предисловиями и итоговыми выводами по каждому разделу. Это перечни использованных работ после каждой главы без перегрузки сносочным аппаратом и дополненные в каждом из томов богатой библиографией научной литературы по данной области знания и направлению. Это, наконец, полезный глоссарий и подробные сведения об авторах и их работах; во второй книге глоссарий дополнен перечнем метафор, связанных с понятием идентичности и имеющих хождение в научном поле (например, “перманентный кризис”, “войны памяти”, “культура отмены” и др.). Помимо прочего, глоссарий свидетельствует о растущей потребности в прояснении понятийного аппарата социальных исследований, о чём будет сказано ниже. Единственное, что представляется мне излишним, это “когнитивная карта дискурсивного поля идентичности” [1, с. 872, 873], в которой без объяснений сложно разобраться даже специалисту.

Нельзя не отметить раздел первой книги “Кто есть кто в формировании исследовательского поля”, который содержит около полусотни кратких биобиблиографических очерков о выдающихся учёных в данной области. Это своего рода “дженетльменский набор” главным образом англо- и франкязычных авторов, на которых традиционно ссылаются отечественные исследователи, впрочем, не всегда знакомые с содержанием их работ. В данном случае очерки лишены элементов критики, что можно объяснить стилем энциклопедических изданий. Тем не менее этот раздел важен для нашего научного сообщества – ведь нельзя допустить, чтобы отечественный дискурс был сведён к откровенному изоляционизму. Невозможно отрицать, что зарубежные учёные оказали влияние на российскую гуманитарную науку, иногда даже это влияние можно считать избыточным, потому что есть пророки и в своём отечестве. В данном словаре нашлось место только для шести имён российских исследователей.

РОЖДЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СУДЬБА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А теперь о содержании того, что называется *идентичностью*, и о том, что говорится об этом феномене в рецензируемом исследовании. Избегая историографической полемики при определении природы идентичности и её многовариантных проявлений, авторы предложили целый ряд важных оценок и идей, которые опровергают поверхностные трактовки и распространённые среди гуманитариев мифопоэтические версии, в ряде случаев очень популярные. В данном случае в центре всех проблем идентичность в её *политологическом измерении*, что ожидаемо.

Само слово “идентичность” звучит на русском вполне благозвучно, в отличие от образованного от него прилагательного “идентитарный” (применительно к подходу) или “идентитарные” (применительно к исследованиям), но, возможно, это вопрос привычки к разного рода языковым новациям в науке. В конце 1990-х – начале 2000-х годов вышли в свет книги испанца М. Кастельса об идентичности в век глобализации [3]; в то время термин “идентичность” ещё не вошёл в научный оборот в российском обществознании. В русском переводе названия главной книги Кастельса по этой теме вообще опущены слова “власть идентичности” как непонятные читателю [4]. Публикуя несколько лет спустя собственную книгу об истории и смысле национальной идентичности российского народа, я также посчитал за лучшее заменить в названии термин “идентичность” на “самосознание”, чтобы избежать вычурности научного языка и быть лучше понятым [5]. Я и сейчас думаю, что привычные слова “сознание” или “самосознание” (для непсихологов это почти синонимы) и довольно длительная история исследования этого феномена, особенно в его коллективном, а не личностном варианте, есть не что иное, как предшествующий этап изучения того, что ныне стали именовать идентичностью. В совсем недалёком прошлом это называлось “национальным самосознанием” (в этническом смысле) или “классовым сознанием” (в социально-политическом смысле).

Очевидно, что рождение нового направления с выходом рецензируемого труда произошло не на пустом месте, ему предшествовали довольно солидные, хотя и не во всём корректные наработки с советских времён. Например, ещё в начале 1990-х годов мне представлялось важным изменить смысл термина “национальное (само)сознание”, которое воспринималось в этническом смысле, на его понимание как *российского (в страновом измерении) самосознания*. Этот переход происходит медленно и даже болезненно из-за глубокой эмоциональной и политической нагруженности категории, не говоря уже об инерции поколений советских и постсоветских учёных, которые написали много работ

о национальном самосознании русских, татар, чувашей, якутов и т.д. Кстати, проблема гетероглоссии (двойственного понимания) категории *национального* не решена и авторами данного труда. Правда, большинство из них склоняются к пониманию национальной идентичности как гражданско-государственной (или гражданско-цивилизационной), а не этнической, но эта значимая перемена смысла осталась незавершённой. Так что в случае, если бы авторы предложили свои тексты в известные зарубежные журналы типа английского “National Identities” (издаётся с 1998 г.) или американского “The National Interest” (издаётся с 1985 г.), у них возникли бы проблемы с разночтением данной категории, как и всей сферы исследований. Для мировой науки, и не только западной, здесь нет разночтения: национальное (не только идентичность, но и интересы и многое другое) – это гражданское, страновое, государственное. Однако и в научном зарубежье, как и в политической практике, присутствуют претензии обозначать понятием “национальное” как идентичность, так и политические проекты от имени этнорегиональных сообществ. На страницах вышеупомянутых журналов чистота употребления терминов строго не соблюдается.

С удовлетворением можно констатировать, что руководитель проекта и ответственный редактор труда И.С. Семененко придерживается схожей с моей позиции. Для неё “национальная идентичность – *многомерное понятие*, вбирающее политическое и социокультурное (этнокультурное) измерения, которые могут ситуативно сочетаться или взаимоисключаться. Понятие национальной идентичности широко используется в публичном дискурсе для обозначения коллективной идентичности национально-государственного (или претендующего на такой статус) сообщества и характеризует самосознание его граждан как членов такого сообщества” [1, с. 405]. Естественно, что национальная идентичность опирается на чувство принадлежности к нации, а вот под последней отдельные люди и социальные коллективы могут понимать не только страну, но и этнические или историко-региональные сообщества, и лишать их такого самообозначения было бы неразумно.

Вышеупомянутая многомерность понятия “национальная идентичность” выражается в том числе и в возможности использовать данную характеристику не только страновыми, но и другими сообществами. Такова, кстати, реальность многих государств мира, где национальное используется не только в гражданско-страновом, но и в этнорегиональном контекстах. Отсюда следует моё предложение допускать обозначение российского народа как “нации наций”, а недоумение по этому поводу одного из авторов рецензируемого труда можно списать на недопонимание сути дела. Моя позиция как раз исходит из многомерности явления и прак-

тического убеждения, что Мадриду, например, не удастся убедить жителей провинции Каталония отказаться от самообозначения *каталонская нация* в пользу исключительного использования всем населением страны термина *испанская нация*. Будет и то, и другое, пока есть государство Испания с его внутренними автономиями. Аборигенные сообщества в составе канадской нации добились включения в конституцию страны их обозначения как *первых наций* (first nations). Думаю, что и Москве или некоторым учётым имперцам не удастся убедить татар, чеченцев, якутов и представителей других этнических общностей отказаться от этнонационального исключительно в пользу общероссийского (то есть стать только россиянами, позабыв при этом быть татарами, и т.д. по списку российских национальностей), тем более что все жители страны не могут стать русскими. Казалось бы, всё довольно ясно, но во многих случаях единственная возможная формула существования мирной и целостной России доходит до сознания с большим трудом.

СОВРЕМЕННОСТЬ И ФИЛОСОФИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мне как историку и антропологу интересен имен-*но современный, актуальный* взгляд на современность вместо столь часто демонстрируемой в отечественном дискурсе одержимости ушедшими в прошлое нормами и ценностями, которые представляются неизменными, имеющими почти сакральный характер. А потому каждому новому поколению предписывается не только хранить, но и следовать так называемым традиционным духовно-нравственным ценностям. На самом деле восприятие современности в теологическом ключе – как предписание и как продолжение определённой прошлым траектории развития – уязвимо и плохо работает.

В рецензируемом труде при рассмотрении идентичности в контексте трансформации и “текущей современности” В.С. Мартынов так определяет свой взгляд на данный философский по своей сути вопрос: “Современность представляет посттрадиционное, функционально дифференцированное на автономные подсистемы общество, преимущественно представленное в политической форме территориальных государств, в которых доминируют рыночные обмены, рациональная бюрократия и инклузивные институты, обеспечивающие широкое участие граждан в управлении социальными и политическими аспектами собственной судьбы” [1, с. 304]. В случае таким образом понимаемой современности в её интеллектуальной программе по-особому возникает фундаментальная проблема идентичности. Если в сословном, феодальном, кастовом обществе идентичность передавалась из поколения в поколение в условиях статичного социального порядка, то “современность, описываемая

концептами гибридной, множественной, смешанной, плавающей идентичности, вытеснила жёстко стратифицированные традиционные общества, сохранявшие устойчивость образа жизни, неизменность социальной структуры, функциональных ролей и общественных ценностей на протяжении долгого исторического времени. Современный человек изначально субъективен и мультиидентичен. Сложносоставное урбанизированное общество требует от него дифференцированных идентичностей, функций и ролей в умножающихся социальных контекстах. Он всё более произвольно меняет идентичности в зависимости от возраста, ситуации, настроения, культурного контекста, гражданства. В подобных условиях государство может лишь поддерживать желательную иерархию идентичностей с тем, чтобы минимизировать конфликтность и напряжённость социально-политического порядка” [1, с. 307].

В подобное обновлённое понимание идентичности вносит дополнительные соображения социолог Н.Н. Федотова, подвергая сомнению “утопичность абсолютной устойчивости идентичности в сегодняшнем неустойчивом, нелинейно меняющемся социуме” [1, с. 292] (что, однако, не отменяет значимость этого феномена). Важным становится сам непрерывный процесс изменения, разрушения, приобретения и становления идентичности. “Это относится не только к индивидуальной идентичности – отдельному индивиду, но и всем носителям идентичности – сообществу, обществу, этносу, народу, стране, т.е. разным формам коллективной идентичности” [1, с. 292]. Таким образом, в рецензируемом труде делается акцент на процессуальный характер и динамику идентичности, о которых писал в своё время С. Хантингтон. В своих более ранних разработках я также писал о примате не этнического процесса, а *этнической процессуальности*, не о предписанной идентичности, а об *этническом дрейфе*.

Н.Н. Федотова делает важные заключения: “Раньше идентичность считалась достижимой, проходящей через ряд кризисов, но в итоге обретавшей определённую устойчивость до следующего кризиса. Сегодня она является процессом её непрерывного обретения в контексте между полюсами стабильности и нестабильности и имеет процессуальный характер” [1, с. 293]. Всё это означает, что человек, группа, сообщество, страна, с которыми люди себя соотносят, обретают идентичность в течение всего времени своего существования, сохраняя или не сохраняя преемственность с прошлым. Это очень важная идея, подвергающая сомнению изначальную данность, тем более как базовую, как отправную форму этническую идентичность в качестве непременного условия обретения гражданской, страновой идентичности. Эта точка зрения продвигается некоторыми психологами, неверно трактующими идентификационные разработки середины XX в. классиков возрастной психологии Ж. Пиаже и Э. Эрикsona и плохо освещенными в российской науке.

домлёнными о современных достижениях в данной области. Приведу пример грубого возрастного деления формирования идентичностей: языковой от 0 до 7–8 лет, этнической в 6–18 лет, российской гражданской с 16 до 24 лет с последующим выводом: “Нельзя произвольно, по желанию, в любом возрасте сформировать у детей или подростков российскую гражданскую идентичность при отсутствии сформированной языковой идентичности и этнической идентичности... формирование российской гражданской идентичности имеет достаточно жёсткую онтогенетическую структуру, подчиняется ряду психологических механизмов, требует соответствующих условий для своего эффективного формирования (в первую очередь социально-психологических), предполагает длительный и последовательный процесс” [6, с. 303].

В разделе про *аскриптивные* (предписанные) и *приобретённые* идентичности О.В. Попова предлагает более широкое определение аскриптивной идентичности, которая задаётся индивиду социумом или государством не только в период детства, но и в ходе всей его жизни; две эти формы идентичности характеризуются не только взаимозависимостью, но и текучестью поведенческих ситуаций и идентификационных выборов. Это как в этнически смешанной семье: одному ребёнку родители записывают национальность отца, а другому – матери. Но и здесь ситуация гораздо сложнее, чем единовременный выбор. В процессе развития общества, социальной мобильности, демократизации, повышения интенсивности человеческих связей соотношение предписанных, то есть заложенных с детства, идентичностей и приобретённых в течение жизни меняется в сторону усиления последних. Сейчас в российской начальной школе вместо народоведческого натаскивания всё шире внедряется учебный материал о Родине и её символах, школьники скорее могут назвать себя, например, москвичами или волгоградцами, а своей родиной Россию, не определяя себя по этнической принадлежности. Можно утверждать, что резкое деление идентичностей на предписанные и приобретённые, а также выстраивание их жёсткой иерархии является ошибочным или, по крайней мере, глубоко устаревшим.

Автор раздела коснулась также дискуссий о природе *этнической идентичности*. Известно, что одни учёные считают её аскриптивной, поскольку “именно социум диктует индивиду представления о характеристиках той или иной этнической группы и критерии этнического самоопределения в процессе усвоения языка, норм и ценностей культуры в конкретной культурно-этнической среде” [1, с. 285]. Другие полагают, что “этническая идентичность формируется на основании предписываемой социумом этничности, но она всегда является результатом самоидентификации, процесса открытого и длительного, а потому должна быть отнесена к группе приобретённых идентичностей” [1, с. 285]. Отсюда

следует, что в полиэтническом государстве возможно конструирование моноэтнической идентичности на основе аскриптивной этничности, моноэтнической идентичности с другой группой, биэтнической идентичности, маргинальной этнической идентичности. Можно также добавить к этому перечню вариантов распространённую и признанную в мире (кроме России и некоторых стран бывшего СССР) множественную и не взаимоисключающую идентичность (*multiply non-exclusive identity*).

Вообще дискурс вокруг этничности в последнее время, как в своё время обсуждение проблемы национализма, напоминает некое подобие “чёрной дыры”, в которую проваливаются самые разные концепты вперемешку с живыми трупами старых прописей [7]. Поэтому я разделяю выраженную О.В. Поповой и некоторыми другими учёными озабоченность: базовые (видимые) аскриптивные идентичности – расовая, этническая и гендерная – в большей степени, чем другие, способствуют разобщённости социума. “Это обстоятельство следует учитывать, распространяя режим позитивной дискриминации на участие носителей этих идентичностей в политической жизни государства: она становится источником новых размежеваний и требует внесения серьёзных корректировок в проводимую государством политику идентичности” [1, с. 285]. Об этом писали другие авторы [8, 9].

УВЛЕЧЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

Для тех, кто сомневается в российском национальном проекте, своего рода спасительным вариантом становится *цивилизационный подход*, который захватил нынешний общественно-научный и медиальный дискурс. Многие годы радикальные этнонационалисты от имени русского большинства, а также оккоцерковные эксперты из Всемирного русского народного собора стремились утвердить вместо концепции российской гражданской нации и общероссийской идентичности концепцию русской цивилизации и Русского мира, но дальше декларативных документов и косвенных упоминаний о государствеобразующем народе дело не доходило.

Президент страны, документы стратегического планирования и научное сообщество до самого последнего времени были ориентированы на квалификацию многонационального народа Российской Федерации как российской нации и реализацию главной цели национальной политики – обеспечение единства российской нации при сохранении её этнокультурного многообразия. С включением в цивилизационный дискурс политологов-международников вместе с номенклатурными политтехнологами цивилизационный подход и в его рамках самообозначение России как державы-цивилизации заняли главное место в интеллектуальных разработках и в политической риторике. Казалось бы,

его энтузиасты не отрицают понимание России как государства-нации и поддерживают утверждение российской идентичности как сути и формы нациестроительства. Но далеко не всегда и не всеми культурологическая категория цивилизации рассматривается как достраивающая программу и цель российского национального проекта. Подобная двойственность на фоне увлечения цивилизационными конструкциями прослеживается и в рецензируемом труде в его разделах и главах, посвящённых вариантам цивилизационных идентичностей, судьбе современных национальных государств. С одной стороны, нельзя не согласиться со следующим утверждением И.С. Семененко: “В современном политическом дискурсе национальной идентичностью наделяются государственные образования вне зависимости от характера развития государственности: она выступает как ключевое смыслообразующее основание государственного суверенитета. Радикальные изменения национально-государственных границ в XX веке требуют конструирования новых идентичностей для легитимизации новых границ в массовом сознании” [1, с. 411]. С другой стороны, один из основных авторов труда В.И. Пантин в главе об идентичности в её международно-политическом измерении пишет о национально-цивилизационной идентичности: “В современной философии, социологии и политической науке под цивилизационной идентичностью понимается отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этноса, нации с той или иной локальной цивилизацией – устойчивой, существующей длительное время на определённой территории наднациональной общностью людей и государств, которая сохраняет и воспроизводит свою целостность, свои особые, отличающиеся от других цивилизаций культурные нормы, религию, ценности, традиции и социальные практики” [2, с. 303]. Но что такое “наднациональная общность людей”, остаётся неясным.

По мнению В.И. Пантина, актуализация и возрастающая роль цивилизационной идентичности в современном мире связаны с обусловленным глобализацией усилением взаимодействия разных цивилизаций, которое сопровождается не только углублением сотрудничества, но и ростом конфликтности государств, принадлежащих к разным цивилизациям, а также межцивилизационного противостояния внутри одного и того же государства вследствие массовой инокультурной миграции. Кроме того, быстрое развитие китайской и индийской цивилизаций, а также ряда других незападных обществ актуализировало проблему цивилизационной идентичности и поставило под вопрос прежний миропорядок, основанный на доминировании Запада. В условиях современной России, которая имеет черты государства-цивилизации и во многом отличается от классического государства-нации, характерного для стран Западной Европы и США, “необходимо, с одной стороны, считаться с суще-

ствующими социальными, ценностными и культурными размежеваниями, а с другой стороны, проводить политику идентичности, направленную на постепенное формирование консолидирующей российской государственно-гражданской и цивилизационной идентичности” [2, с. 305].

В первом томе труда, о котором идёт речь, в разделе о политических измерениях цивилизационной идентичности В.И. Пантин отметил, что культурно-цивилизационный ракурс идентичности позволяет увидеть причины и факторы многих современных внутриполитических и международных конфликтов. С игнорированием исторических, культурных, цивилизационных аспектов идентичности “связаны драматические, а нередко и трагические последствия попыток насилием перенести социальные институты (например, демократические и рыночные институты), эффективно функционирующие в рамках западной цивилизации, на страны исламской и некоторых других цивилизаций. Нежелание учить обычай, традиции, культурные и социальные нормы, складывавшиеся веками и характерные для данной цивилизации, как и не слишком обоснованные представления о существовании единой глобальной цивилизации, могут привести (и уже приводят) к тяжелейшим межцивилизационным и этносоциальным конфликтам” [1, с. 144–145].

С этими рассуждениями о своего рода культурной глухоте в политике (и в экономике тоже) нельзя не согласиться, но как быть с не менее частыми проявлениями жёсткого насилия и конфликтности, обусловленными известным “комплексом малых культурных различий”, когда не только на межцивилизационных границах, но и внутри них и даже среди “одного народа” возникают не менее жестокие насилие и войны. По-видимому, что-то не так в трактовке цивилизационных различий, если вообще признать, что они реально существуют, вне воображения тех, кто пишет о цивилизациях. Ясно, что в данном варианте Российской Федерации как цивилизация обладает не национальной, а национально-цивилизационной идентичностью. Но в трактовке других авторов труда эта формула зачастую сводится только к цивилизационной идентичности.

Все главы в третьем разделе первого тома посвящены цивилизациям вне России. И хотя они написаны специалистами-международниками, сам перечень цивилизаций и отбор их содержательных характеристик свидетельствуют, что нет более общей и произвольной по своей сути формы объединения людских сообществ, чем цивилизация. Можно заключить, что это в большой степени культурологическая метафора, применимая ко многим существовавшим в прошлом условным культурным комплексам или протогосударственным образованиям, а также к современным культурно схожим и отличным от других макрорегионам, континентам и отдельным крупным государствам.

Оспорить стремление свести многое, что существовало в прошлом и присутствует в настоящем, к одному понятию достаточно легко, и это уже не раз делалось, начиная с критики сочинений А. Тойнби советским историком академиком Е.А. Косминским [10]. Жёсткая критика звучала и в адрес неотойнбизма в лице С. Хантингтона и Ф. Фукуямы. Историки критически разбирали сочинения Н.Я. Данилевского, русских космистов и евразийцев. Однако наша задача в данном обзоре обратить внимание на трактовку схожих с российской крупнейших наций мира, вместе с которыми мы составляем сегодняшнее “мировое большинство”, а именно – индийской и китайской, а также других претендентов на цивилизационный статус.

В разделе первого тома “Цивилизационные и политico-культурные ракурсы идентичности” рассмотрены особенности и характерные черты формирования и динамики российской, европейской, североамериканской, иberoамериканской, китайской, индийской, мусульманской идентичностей. Видные специалисты по соответствующим странам и культурам постарались выявить тенденции и противоречия, присущие каждой из этих *культурно-цивилизационных общностей*. Не будем обсуждать континентальные, макрорегиональные и конфессиональные цивилизации с точки зрения их реальности или умозрительности. Нас в данном сюжете интересуют крупнейшие нации мира – Индия и Китай, которые обычно вместе с Россией включают в список самостоятельных цивилизаций. К этому списку можно добавить таких членов БРИКС, как Бразилия и Южная Африка.

Суть дела состоит в том, что во всех этих суверенных государствах с глубокой историей, культурно сложным населением, религиозным и расовым разнообразием, мировыми культурными достижениями главными целями общества и государства являются проекты национального строительства, то есть формирования полизначных гражданских наций: индийской, китайской, бразильской, южноафриканской. Конституции, законы, национальная и культурная политика, программы, символы, ценности, календарь, образование и пропаганда, научные организации и исследования в этих странах построены вокруг нациестроительства (*nation-building*), утверждения образов нации на основе разных формул: “нации народностей” (джунхуа миньцзу) в Китае, “единства в многообразии” в Индии, “радужной нации” в Южной Африке, футбольно-карнавально-культурного симбиоза “делания нации бразильцев” [11–23].

Характерно, что ни в одной из этих стран самообозначение страны как цивилизации не является программным и политически нагруженным, хотя сам термин может использоваться разными общественными движениями преимущественно в историческом контексте. Именно этими двумя факто-

рами – размытостью понятия “цивилизация” и его отсутствием в государственно-строительной политике крупнейших стран мира – обусловлено моё сдержанное отношение к цивилизационному подходу, когда дело касается самоопределения России. Рецензируемый труд в полной мере поучаствовал в увлечении цивилизационным подходом.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: РАЗВИТИЕ – QUO VADIS

Рецензируемый труд содержит и другие глубокие наблюдения и фактические сведения, что позволяет острее воспринимать внешний мир, а заодно и Россию (чувствуется рука международников). Так, бесспорный интерес вызывает глава, посвящённая диаспоральным мирам и их идентичностям. Вообще трансграничные и сетевые, прошлые и новые сообщества мигрантов, идентичность их участников, поведение и роль диаспор – всё это невозможно охватить даже в таком комплексном издании. Но многие сущностные аспекты этой обширной темы названы и оценены в разделе, написанном И.Л. Прохоренко. К сожалению, за рамками анализа осталась такая актуальная общность, как Русский мир, который в постсоветском общественном дискурсе первонациально понимался как мир русофонии, то есть как совокупность людей, сопричастных России, русскому языку и культуре; сегодня Русский мир воспринимается как Россия +, то есть Россия и те, кто с нею составляет один народ.

Важной и продуктивной для социальных наук стала концепция идентичности как *ресурса общественного развития*. В отличие от экономоцентрических теорий, акцент в ней перенесён на идеино-политическую, социальную и культурную мотивации человека, этнической и социальной группы, нации, благодаря которым либо обеспечивается личностное и общественное развитие, либо происходит деградация того и другого. Особенно значимы для современных разделённых обществ формирование и изменение идентичности, а также связанное с ними субъективное восприятие социальной и политической действительности. Как пишет И.С. Семененко, “социальная динамика по-прежнему измеряется привычными показателями роста ВВП, материального благосостояния и качества среды обитания человека. Но не меньшее значение имеют ориентиры идентичности, приверженность сообществу, с которым индивид себя отождествляет, позитивному видению будущего, его (индивидуа) нацеленность на *личностное и общественное развитие*. Именно такого рода ценностные ориентации определяют социальный климат в обществе – трудно поддающуюся оценке, но принципиально важную для понимания социальных перспектив реальность, субъективную по своей природе, но объективную по значимости” [2, с. 19].

В главе “Разделённые общества” представлена информативная когнитивная карта социальных размежеваний и их политических проекций [2, с. 33]. С помощью этой карты можно проследить историческую динамику социальных размежеваний и их политизацию в современных обществах. Сейчас важную роль играют этнополитическая (национализм и сепаратизм), а также геополитическая и геоэкономическая проекции социальных размежеваний, поскольку они становятся факторами этнополитических и геополитических конфликтов и противостояний.

Авторы раздела “Идентичность: вызовы политизации дискурсов и нарративов” с разных сторон анализируют ключевую проблему взаимосвязи социально-политического развития на микро- и макроуровне, которая остро стоит в современной политической науке и социологии. Без решения этой проблемы невозможно обеспечить долговременное поступательное социально-политическое и экономическое развитие общества, реализовать связь между личными ценностными установками, личной мотивацией и общественными потребностями.

Для российской политической науки важны дискурсы, связанные с регионализацией, регионализмом и региональной идентичностью. Огромная территория, полигэтничность, сосуществование разных религиозных конфессий предопределили характерный для России императив эффективного управления региональным развитием, сокращения территориального неравенства, противодействия сепаратизму. Предпринятое авторами исследование региональной, этнокультурной и религиозной идентичностей служит условием эффективного управления развитием российского государства и общества.

В рецензируемом труде присутствует ещё много сюжетов и тем, которые побуждают к размышлениям и дискуссиям, но жанр обзора имеет свои пределы, как и осведомлённость его автора. Некоторые вопросы большой теории и большой стратегии остались за пределами рассмотрения, тем более что именно эту сторону исследования “Идентичность: Личность, общество, политика” уже осветила в своём обзоре О.В. Гаман-Голутвина [24]. Выскажу, пожалуй, только одно сомнение в отношении утверждения-предсказания о том, что в ходе мировой эволюции наступила своего рода поствестфальская эпоха, то есть время исчезновения с исторической арены национальных государств и приход им на смену разнородных коалиций, отражающих многообразие мира, опыта и условий существования государств как самых значимых и всеохватных объединений людей. С этим посылом и, возможно, скрытым ожиданием замены ООН на “организацию объединённых цивилизаций”, а может быть даже “объединённых этнонаций” (о последнем мечтал знаменитый норвежский философ Й. Галтунг [25]), можно было бы согласиться. Однако недавняя пан-

демия коронавируса и выполненная государствами миссия как защиты, так и дисциплинирования населения, а также усиливающиеся соперничество стран за ресурсы и влияние и геополитические катаклизмы, скорее, говорят о том, что национальные государства, понимаемые как суверенные согражданства, не сходят с исторической арены, что наблюдаемая реконфигурация современного мира, по-видимому, произойдёт без из отмены.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Работа выполнена в рамках государственного задания Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по теме “Россия как нация и как цивилизация: исследование этнокультурного развития, традиционных ценностей и российской идентичности” (НИОКР 124112200089-0).

ЛИТЕРАТУРА

1. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017.
Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic edition / Ed. I.S. Semenenko / IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir, 2017. (In Russ.)
2. Идентичность: Личность, общество политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2023.
Identity: Personality, Society, Politics. New contours of the research field / Ed. I.M. Semenenko / IMEMO RAS. Moscow: Ves Mir, 2023. (In Russ.)
3. Castells M. The Power of Identity. The Information Age, Economy, Society and Culture. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 1997.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
Castells M. The Information Age: Economy, Society, Culture. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2000. (In Russ.)
5. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
Tishkov V.A. The Russian people: history and meaning of national self-awareness. Moscow: Nauka, 2013. (In Russ.)
6. Кандыбович С.Л., Разина С.В. Психологические механизмы формирования языковой, этнической и российской гражданской идентичности // Россия: единство и многообразие: К 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 16–17 ноября 2022 г. М.: РГГУ, 2023. С. 298–304.

- Kandybovich S.L., Razina S.V.* Psychological mechanisms of formation of linguistic, ethnic and Russian civil identity // Russia: unity and diversity: On the 10th anniversary of the formation of the Council under the President of the Russian Federation on Interethnic Relations. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow, November 16–17, 2022. Moscow: RSUH, 2023. Pp. 298–304. (In Russ.)
7. Тишков В.А. Судьба прогнозов на основе концепта этнорасовых групп // Вестник антропологии. 2024. № 2. UDC 39. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/Original article
- Tishkov V.A.* The fate of forecasts based on the concept of ethnoracial groups // Bulletin of anthropology. 2024, no. 2. UDC 39. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/Original article (In Russ.)
8. Alcoff M.L. Visible Identities: Race, Gender, and Self. New York: Oxford UP, 2006.
9. Gutmann A. Identity in Democracy. Princeton: Princeton UP, 2003.
10. Воробьёва О.В. Академик Е.А. Косминский об историософии Арнольда Тойнби // Диалог со временем. Алманах интеллектуальной истории. Вып. 3. М., 2000. С. 261–278.
- Vorobyova O.V.* Academician E.A. Kosminsky on the historiosophy of Arnold Toynbee // Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History. Is. 3. Moscow, 2000. Pp. 261–278. (In Russ.)
11. Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик медиа, 2003.
- Constitutions of Foreign States: Textbook / Compiled by prof. V.V. Maklakov. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Inphotropik Media, 2003. (In Russ.)
12. ANC. Unity in Action towards Socio-Economic Freedom. Strategy and Tactics of the ANC. December 2012.
13. Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
- Cultural Complexity of Modern Nations / Ed. by V.A. Tishkov, E.I. Filippova. Moscow: Political Encyclopedia, 2016. (In Russ.)
14. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012.
- Grinfeld L.* Nationalism. Five Paths to Modernity. Moscow: PER SE, 2012. (In Russ.)
15. Wimmer A. Nation Building. Long-Term Perspective and Global Analysis // European Sociological Review. 2014, vol. 31(1), pp. 30–47.
16. Khilnani S. The Idea of India. L., 1997.
17. Гельбрас В.Г. Китайская Народная Республика: возрождение национальной идеи //
- Национальная идея: история, идеология, миф. М.: Соврем. экономика и право, 2004.
- Gelbras V.G.* People's Republic of China: Revival of the National Idea // National Idea: History, Ideology, Myth. Moscow: Sovremennaya ekonomika i parvo, 2004. (In Russ.)
18. Салицкий А.И. Истоки подъёма Китая и цивилизационный дискурс // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2-х тт. / Отв. ред. В.Г. Хорос. М., 2014.
- Salitsky A.I.* Origins of China's Rise and Civilization Discourse // Chinese Civilization in a Globalizing World. Based on Conference Proceedings. In 2 volumes / Ed. by V.G. Khoros. Moscow, 2014. (In Russ.)
19. Нелсон Мелло и Соуза. Бразильская идентичность как социокультурный феномен // Вестник РУДН. Серия "Философия". 2012. № 3. С. 121–130.
- Nelson Mello and Souza.* Brazilian Identity as a Sociocultural Phenomenon // Bulletin of RUDN University. Series "Philosophy". 2012, no. 3, pp. 121–130. (In Russ.)
20. Данилова Г.А. Вопросы нациестроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Т. 11. № 2. С. 330–344.
- Danilova G.A.* Issues of Nation-Building in the Rhetoric of Latin American Intellectuals and Elites: From the Past to the Present // Ars Administrandi (The Art of Management). 2019, no. 11 (2), pp. 330–344. (In Russ.)
21. Eakin M.C. Becoming Brasilians: Race and National Identity in Twentieth-Century Brasil // Nation, State and the Economy in History. Cambridge University Press, 2017. Pp. 373–386.
22. Pieterse H.R. Nation: Nation Building in the New South Africa // Safundi: The Journal of South African and American Comparative Studies. 2002, vol. 3, no. 1, pp. 1–18. Nasiphi Moya. Banal Nationalism in the post-apartheid South Africa // Academic Letters. October 2021.
23. Bornman E. National symbols and nation-building in post-apartheid South Africa // International Journal of Intercultural Relations. 2006, vol. 30, pp. 383–399.
24. Гаман-Голутвина О.В. Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 177–191. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V.* The concept of identity: movement from the abstract to the concrete // Polis. Political studies. 2024, no. 3, pp. 177–191. (In Russ.)
25. Galtung J. Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization. London: Sage Publications, 1996.

**IDENTITY – A RESOURCE FOR SOCIAL DEVELOPMENT
TO THE PUBLICATION OF THE ENCYCLOPEDIC STUDY “IDENTITY:
PERSONALITY, SOCIETY, POLITICS”**

V.A. Tishkov^{a,*}

^a*N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*E-mail: valerytishkov@mail.ru

The article is an analytical review of a fundamental work on the phenomenon of identity prepared at IMEMO RAS under the supervision of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I.S. Semenenko. An interdisciplinary study in two books is devoted to the procedural aspects and dynamics of forms of identification of an individual and society in relation, first of all, to country, ethnic and religious affiliation, as well as the conditions for the formation of an all-Russian national self-consciousness from the point of view of civil and civilizational identification. The work substantiates a civilizational approach to the Russian and other largest nations of the world, continental and religious communities; contains an overview of such forms of collective identity as professional, racial, diaspora and others. The decisive role of cultural and identification factors in world politics and in the policy of nation-building, in ensuring the sovereignty and solidarity of state communities is noted. The books contain a bibliographic dictionary of leading scientists and a complete bibliography of scientific literature in this field. The publication is encyclopedic in nature and establishes a new scientific direction in the social and humanitarian sciences – identitarian studies.

Keywords: identity, civilization, world order, national state, civil nation, Russia, India, China, nation-building, ethnicity, religion, cultural complexity, nationalism, solidarity, ethnopolitical conflict, “cancel culture”.